

ЕЖИ ВЯТР,
ПРОФЕССОР ВАРШАВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА,
РЕКТОР ЕВРОПЕЙСКОЙ ШКОЛЫ ПРАВА И АДМИНИСТРИРОВАНИЯ (ВАРШАВА, ПОЛЬША)

РОЛЬ США ПОСЛЕ ПЕРИОДА ГЕГЕМОНИИ

В реальном контексте изменений «архитектуры» международных отношений рассматривается динамика роли США в переходе от однополярного мира американской гегемонии до новой многополярной системы, характеризующейся утратой США позиции мирового господства. Анализируются социально-политические основы американского участия в новой многополярной структуре международных отношений и перспективы реализации США политики сотрудничества и лидерства, а не гегемонии и диктата.

The dynamics of the USA role under transition from a unipolar world of American hegemony to a new multipolar system is considered in the real context of the changes in the architecture of international relations; the system that is characterized by the loss of the USA position of world domination. Analyzed are the socio-political basics of American participation in the new multipolar structure of international relations, perspectives of the USA realizing the politics of cooperation and leadership, not that of hegemony and dictatorship.

Первое десятилетие XXI в. привело к принципиальным изменениям архитектуры международных отношений. Возникший после «холодной войны»

однополярный мир американской гегемонии подвергся декомпозиции. Его место заняла новая многополярная система, более напоминающая традиционную многополюсную структуру, чем установившаяся после победного завершения для демократических государств «холодной войны» система мирового господства Соединенных Штатов. Это был быстрый и неожиданный процесс. Збигнев Бжезинский предсказывал, что «пройдет еще немного времени – чуть более одного поколения – и ни один соперник не будет в состоянии угрожать позициям Америки, которая останется крупнейшей мировой державой»¹. Ученый предвидел трудности, которые могут появиться в процессе реализации американской мировой гегемонии, тем не менее он постулировал две цели во внешней политике США: «...укрепление доминирующих позиций Америки на период жизни по меньшей мере одного поколения, а еще лучше – на более длительный период, и создание геополитической структуры, способной амортизировать неизбежные потрясения, связанные с социально-политическими изменениями»². Такая позиция известного знатока мировой политики тем более удивительна, что всего четыре года ранее (в опубликованной в 1993 г. книге «Out of Control») Бжезинский предполагал совсем иной сценарий международной ситуации. Тогда он с уверенностью писал о том, что способность Америки играть решающую роль в международных делах будет уменьшаться и что мироустройство будет осуществляться путем сложного взаимодействия нескольких блоков: Америки во главе с США, объединенной Западной Европы, Восточной Азии, Южной Азии и «неоформленного мусульманского полумесяца», простирающегося от Марокко до Средней Азии. Также он говорил о возникновении евразийского блока во главе с Россией, включающего в себя большую часть республик бывшего СССР³. Но уже через несколько лет Бжезинский однозначно прогнозировал долгосрочную гегемонию США в мире. На эти мысли его натолкнуло, видимо, то, что девяностые годы сопровождались существенным, хотя, как потом оказалось, и непрочным укреплением позиций США и ослаблением позиций России. Зато в конце первого десятилетия XXI в. стало уже почти очевидным то, что Соединенные Штаты утратили позиции мирового гегемона. Причем эта утрата произошла не в результате какой-то единичной катастрофы, а стала следствием ошибочной политики, проводившейся в 2001–2008 гг. Это является красноречивым примером, подтверждающим правоту исторического подхода, принимающего во внимание важную роль политических лидеров⁴. Вместе с тем, правда, не стоит слишком поспешно декларировать возникновение новой архитектуры международных отношений.

Основы американской гегемонии

Позиции Соединенных Штатов в современном мире складывались постепенно, однако в результате ряда событий, произошедших в конце 1980 – начале 1990-х гг., они приобрели новое качество. Алексис де Токвилль первым обратил внимание на основной социологический механизм, содействовавший укреплению американской нации⁵. Им являлась притягательная сила американской цивилизации, основанной на идее свободы. Экономическая свобода наряду с доступностью освоения огромных малозаселенных территорий Северной Америки манили европейских переселенцев, людей в основном бедных, вынужденных вести постоянную борьбу за существование и тем самым создававших экономические основания национального богатства. Свобода совести превратила Америку в землю обетованную для различных религиозных диссидентов, укрывавшихся за океаном от преследований в Европе. Политическая свобода, установившаяся сначала в колониях, имевших самоуправление, а затем в первой демократической республике Нового времени, не только свидетельствовала о привлекательности Америки, но и давала новому государству и обществу исключительные возможности для поиска новых решений в разных сферах жизни. Уже 100 лет

назад, в начале XX в., Соединенные Штаты были бесспорным лидером в Западном полушарии.

В первой половине XX в. США превратились из региональной державы в одну из двух мировых супердержав. Это ускоренное возрастание роли США в мировой политике не было следствием исключительно тех тенденций, которые способствовали росту силы и значения страны в XIX в. Кроме этого, большую роль сыграли независимые от США изменения в политике европейских и азиатских государств.

Две мировые войны привели на протяжении тридцати лет к поляризации сил в мировом масштабе. Из государств, задававших тон в мировой политике в начале XX в., большинство утратили свое бывшее значение. В результате Первой мировой войны перестали существовать многонациональные империи – Австро-Венгерская и Османская, а возникшие на их руинах новые государства не имели ни соответствующего потенциала, ни амбиций для того, чтобы играть роль крупных держав. В результате Второй мировой войны Германия и Япония были оккупированы государствами-победителями, на долгие годы лишены вооруженных сил, а также пережили глубокую политическую и культурную трансформацию, отказавшись от притязаний на мировое господство. Великобритания и Франция вышли из войны ослабленными, а процесс деколонизации существенно изменил их позиции в мировой политике.

Вначале появился только один серьезный противник – Советский Союз, к которому через некоторое время присоединилась другая – Китайская Народная Республика. «Холодная война» была долгой. Борьба за преобладание в мировой политике проходила с переменным успехом. От классических примеров противостояния государств, известных нам из истории, ее отличали три особенности. Во-первых, это была борьба не только и столько за имперские интересы, сколько за принципиально различные ценности; она была, по словам президента Дж. Буша, «борьбой за человеческую душу»⁶. «Холодная война» была прежде всего идеологическим конфликтом. Она велась не за спорные территории, а за господство ценностных систем, политического и экономического строя в мировом масштабе. Это не означает, что традиционно понимаемые государственные интересы не играли уже никакой роли, однако борьба за их реализацию происходила в тени великого идеологического конфликта двух систем. Во-вторых, это была борьба, в которой каждая из супердержав имела союзников, признававших их ведущую роль. Соединенные Штаты смогли создать наиболее сильный союз, поскольку на их стороне добровольно выступили опасавшиеся советской экспансии демократические государства Западной Европы и многие другие. Однако это не давало западной коалиции автоматического преимущества. Тридцать лет назад, когда поражением закончилась американская интервенция во Вьетнам, никто не предвидел, что так быстро мировое противостояние закончится победой Запада. В-третьих, борьба периода «холодной войны» проходила под знаком ядерной угрозы. Сорок лет назад Раймонд Арон писал о ситуации, в которой подлинный мир невозможен в связи с глубоким идеологическим конфликтом между противоборствующими сторонами, а новая мировая война невозможна, исходя из самоубийственного характера тотальной ядерной конфронтации⁷. Наличие ядерного оружия, правда, не исключало локальных войн, но обуславливало разрешение конфликта двух великих держав невооруженным путем.

Период «холодной войны» первоначально привел к укреплению позиций США в мире. Объединение в НАТО большей части государств Западной Европы, демократизация Японии, которая из противника превратилась в союзника США, формирование региональных союзов под американским патронатом в Азии и Латинской Америке способствовали укреплению позиций Соединенных Штатов в качестве сильнейшей стороны в мировом конфлик-

те. Однако постепенно ситуация становилась все более сложной. Первым сигналом того, что дела не идут в желаемом направлении, стала коммунистическая революция в Китае, которую не смогла предотвратить массивная военная помощь, оказанная США правительству Гоминьдана. Затем произошла волна радикально националистических переворотов в арабских государствах, которые образовали единый антиамериканский фронт, вызванный в значительной степени поддержкой, которую оказывали США Израилю. Началась вьетнамская война. Вмешательство США в данный конфликт было основано на двух ложных положениях: во-первых, считалось, что суть конфликта заключается в стремлении навязать вьетнамцам против их воли коммунистический режим; во-вторых, предполагалось, что возможная «потеря» Вьетнама приведет к цепной реакции, в результате которой вся Юго-Восточная Азия окажется в руках коммунистов. Поражение в Индокитае на некоторое время существенно ослабило США и подорвало авторитет этой державы среди союзников.

Тем не менее «холодная война» окончилась победой Запада, причем победой, которая в завершающей фазе этого великого конфликта произошла мирным путем. В какой степени подобный результат стал следствием политики Соединенных Штатов? Трудно не согласиться с тем, что решительная позиция США в период президентства Рональда Рейгана (1981–1989) сыграла здесь определенную роль. Однако было бы ошибочно считать эту политику главной причиной победы Запада. Соединенные Штаты и их союзники вышли победителями из «холодной войны» не столько в результате собственных действий, сколько в результате внутренних процессов в странах по ту сторону «железного занавеса», приведших к краху системы.

Однако независимо от причин для США важнейшим было то, что внезапная победа в результате конфронтации с блоком социалистических государств превратила эту державу в действительного лидера в мировой политике.

Американская гегемония опиралась на экономическую, политическую мощь и культурную привлекательность США, но проистекала она не только из собственной силы Соединенных Штатов, но и из относительной слабости всех других государств. Изменения происходили быстрее, чем их можно было предвидеть. Политические процессы в России после 2000 г., т. е. после прихода к власти Владимира Путина, привели к выходу страны из кризиса и восстановлению ее позиций как региональной державы. Стабильный, очень быстрый экономический рост Китая на фоне умеренной внешней политики усилил его позиции в Азии. Выросло значение Европейского Союза, который после расширения в 2004 и 2007 гг. превратился в блок государств, который обладает численным и экономическим потенциалом, большим, чем США. Иное дело, сможет ли Евросоюз преодолеть отсутствие единства по многим внешнеполитическим вопросам, что парализует его действия на международной арене. Однако сами эти изменения не привели к утрате США гегемонии в мировом масштабе. Произошло это в результате собственной политики американского руководства. Это не привело к ослаблению воли в американском обществе и, как следствие, уходу США от ответственности за развитие событий на международной арене, о чем предупреждал Бжезинский. Наоборот, реакция американцев на террористические акты 11 сентября 2001 г. сплотила народ, США были готовы брать на себя бремя глобальной ответственности. Главным для позиций страны на международ-

* Эти положения и вытекающие из них политические ошибки прекрасно проанализировал Стэнли Кэрноу (Vietnam: A History. New York, 1983). Также об этом пишет, исходя из собственного опыта Генри Киссинджер (White House Years. Boston, 1979. S. 226–228).

Таким образом, нами был дан ответ на данный вопрос в прежних трудах (Zmierzch systemu: Historia i perspektywy demokratycznego socjalizmu w Europie wschodniej. Warszawa, 1991, oraz Socjologia wielkiej przemiany. Warszawa, 1999) и с тех пор мнение по данной проблеме не изменилось.

ной арене был вопрос о смысле американской гегемонии, который становится темой все более широкой дискуссии как в самих США, так и у партнеров и союзников.

Американское мировое лидерство после «холодной войны»

В политической традиции Америки издавна соперничают между собой два подхода во внешней политике. Первый акцентирует внимание на имперских интересах США и указывает на готовность их реализации насильственным путем даже вопреки международному праву. Второй апеллирует к универсальным демократическим ценностям, которые США должны распространять в мире, опираясь на право и международное сотрудничество демократических государств и народов. Символом первого подхода является Теодор Рузвельт, второго – Вудро Вильсон. Хотя указанные отличия имеют идеализированный и упрощенный характер, они помогают понять сущность полемики американцев по вопросу о своей гегемонии. Генри Киссинджер, усматривая различия данных традиций, предпринял попытку их синтеза. В этой связи он пишет следующее: «Страна с американскими традициями идеализма не может опираться в своей политике исключительно на существующее равновесие сил и считать его единственным критерием нового мирового порядка. Нужно понять, что равновесие сил – это первичное условие для достижения исторических целей. Этих целей нельзя достичь при помощи исключительно риторики и пустых жестов». И далее: «Если вильсоновская система, основанная на законности, окажется непригодной, то Америка должна будет приспособиться к ситуации равновесия сил вне зависимости от собственного отношения к ней... Традиционный американский идеализм должен сочетаться с глубоким анализом существующей действительности и на этой основе должны быть адекватно сформулированы американские национальные интересы»⁸.

Таким образом, Киссинджер пытается найти «золотую середину» между суровым реализмом политики, опирающейся на силу, и идеализмом политики, которая зиждется на вере в возможность обустройства мира при помощи права и общедемократических ценностей. Тем не менее он не дает ответа на вопрос, как следует поступать в ситуации, требующей четкого выбора.

В первое десятилетие после окончания «холодной войны» необходимость такого выбора не казалась очевидной. Соединенные Штаты содействовали мирному процессу системных преобразований в Центральной и Восточной Европе, а также на территории бывшего Советского Союза. При этом искусно удавалось сочетать поддержку стремлений к независимости со стороны государств и народов бывшего Советского Союза, с одной стороны, и построение добрых партнерских отношений с Россией – с другой.

В этот период Соединенные Штаты играли ведущую роль в осуществлении международных операций в наиболее горячих точках планеты. В 1991 г., действуя в соответствии с мандатом Совета Безопасности ООН, США провели международную вооруженную интервенцию с целью освобождения Кувейта из-под иракской оккупации. В 1999 г. без мандата ООН, однако при поддержке НАТО, США вместе с союзниками осуществили вооруженное вторжение на Балканы для предотвращения этнических чисток, направленных против албанского населения Косово. В отличие от операции «Буря в пустыне», которая получила практически всеобщую международную поддержку, интервенция в Косово была воспринята неоднозначно. В ходе ее проявился конфликт между принципом суверенитета и территориальной целостности государств и принципом защиты прав человека⁹. Глядя на те события через десять лет, кажется, что все-таки предпринятые тогда шаги были меньшим злом по сравнению с перспективой пустить события на самотек.

⁸ Об этом более полно см.: Współczesne stosunki międzynarodowe: wybrane zagadnienia. Koszalin, 2002. S. 44–80.

В обоих случаях, о которых шла речь, сила позиции США заключалась в поддержке со стороны всех демократических государств. Соединенные Штаты были лидером в указанных операциях и находили мощную поддержку со стороны правительств и общественного мнения стран-союзников. В этой ситуации предпринимаемые действия трактовались не как реализация целей национальной американской политики, а как выражение широкой солидарности демократических государств. Если и существовали разногласия, то они касались вопросов, связанных с тем, готовы ли европейские партнеры США взять на себя военные и финансовые тяготы, пропорциональные их ресурсам и возможностям, но не касались вопросов стратегии и тактики предпринятых действий. К тому же мировое общественное мнение очень позитивно относилось к американской политике. Протесты имели место, но они не носили массового характера, если не считать, естественно, радикальных исламских стран, где антиамериканизм издавна имеет глубокие корни. Даже в Китае, где после разрушений, причиненных авиацией США китайскому посольству в Белграде, произошли массовые демонстрации протеста, власти постарались, чтобы они не перешли определенную грань агрессивности, и не стали их терпеть слишком долго. Таким образом, Соединенные Штаты завершили XX в. в статусе державы, которая располагала не только значительной силой, но и значительной поддержкой, что позволяло им доминировать в мире.

Такая ситуация была полезна не только для США, но и для всего мира. Можно согласиться со Збигневом Бжезинским, который писал: «Гегемония Америки реализуется в рамках мировой системы, спроектированной самой же Америкой и отражающей ее внутренний порядок, основанный на плюрализме в обществе и политической жизни»⁹.

Сохранение понимаемой таким образом американской гегемонии в рамках мирового правового порядка было очень важным для нового международного устройства, а также для Америки, поскольку гегемония, опирающаяся на право и нормы, принятые всем или почти всем мировым сообществом, делает более стабильным и безопасным положение крупнейшей мировой державы. Здесь дело не в чистом идеализме, а в понимании того, что даже самая могущественная империя не может быть сильна настолько, чтобы не считаться с правом, в установлении которого принимала участие.

В конце XX в. Соединенные Штаты прилагали усилия, направленные на решение болезненных международных проблем, среди которых самая острая и создающая наиболее негативные последствия для международного порядка – арабо-израильский конфликт. В этом конфликте США решительно поддерживают Израиль. Американское общественное мнение симпатизирует Израилю, поскольку это единственное демократическое государство на Ближнем Востоке, политика которого в международных конфликтах была и остается последовательно проамериканской. Необходимо также учитывать, что память о Холокосте стала причиной решений ООН по вопросу о создании еврейского государства в Палестине, а также осознанием того, что истоком конфликта явился отказ арабских государств в 1948 г. от раздела Палестины и их агрессия против образовавшегося еврейского государства.

В этих условиях все американские президенты проводили произраильский курс, что развязывало руки Израилю для поддержания жесткой политики в отношении палестинцев. Существенный перелом наметился в политике президента Картера, который поспособствовал заключению компромисса между Израилем и Египтом, однако не затронул вопроса об оккупированных Израилем после шестидневной войны палестинских территориях на западном берегу реки Иордан и в секторе Газа. Инициатором разрешения этого сложного вопроса выступил президент Клинтон. При его посредничестве были налажены переговоры между руководителем Организации освобождения Палестины Ясиром Арафатом, с одной стороны, и предста-

вителями Израиля премьер-министром Ицхаком Рабином и министром иностранных дел Шимоном Пересом – с другой, которые завершились подписанием мирного соглашения в Осло. В результате возникла Палестинская автономия и был открыт путь к полному урегулированию конфликта. Заслуга американской администрации в этом несомненна.

2000 г., последний год президентства Билла Клинтона, оказался вместе с тем годом срыва мирного процесса. С обеих сторон – особенно после убийства в ноябре 1995 г. премьер-министра Израиля Рабина – укрепляли свои позиции экстремисты. Раскручивалась спираль насилия. Израильские предложения, сформулированные в 2000 г., были направлены на компромисс, однако не были приняты палестинской стороной. Отказ от этих предложений следует считать ошибкой, хотя в них и не были учтены важные для палестинцев положения о статусе Иерусалима и судьбе арабских беженцев. В результате это привело к новой волне насилия («второй интифаде»). Нельзя исключать того, что, даже если бы Клинтон по-прежнему заседал в Белом доме, он не смог бы сдержать волну насилия и ненависти. Но при этом следует отметить, что Джордж Буш за все время своего президентства не приложил никаких усилий для того, чтобы вернуть стороны конфликта на путь переговоров. Это и стало одной из причин нарастания волны фанатичного антиамериканизма в арабских странах.

Лицо антиамериканизма

Антиамериканизм проявляется не только в арабских странах. Его укрепление может представлять опасность для Соединенных Штатов как главной опоры мирового порядка после «холодной войны». Вместе с тем это явление не ново. Пол Джонсон писал о 1970-х гг. как о периоде мощного всплеска антиамериканизма, главную причину которого он усматривал в том, что «Америка как великая держава, а тем более понятие американизма означали принцип индивидуализма в противовес коллективизму, принцип свободной воли в противовес детерминизму»¹⁰. Это очень поверхностная и односторонняя интерпретация антиамериканизма, в которой отсутствует какой-либо намек на то, что действия самих США могли стать причиной антиамериканских настроений в мире.

Здесь следует выделить четыре аспекта проблемы. Первый носит политический характер. Соединенные Штаты как единственная в мире супердержава имеют не только сторонников, но и противников. Рационально понятый *политический* антиамериканизм основан на признании противоположности целей американской политики целям политики своего государства (иначе говоря, собственным национальным интересам). Тот, кто мыслит подобным образом, не испытывает к Америке иррациональной враждебности. Он только полагает – справедливо или нет – что существует конфликт между США и его государством.

Кроме политического, существует социальный антиамериканизм. США рассматриваются как центр глобальных экономических и социальных отношений, при которых одни народы богатеют, а другие беднеют. Независимо от того, что подобная интерпретация неравенства в мире сильно упрощает эту сложную проблему, миллионы людей в малоразвитых странах связывают свою нищету с богатством стран Запада, особенно Америки.

Совершенно иной характер имеет культурный антиамериканизм. После Второй мировой войны американская культура широко распространилась по всему миру, что вызывает недовольство во многих странах. То тут то там возникают даже на правительственном уровне акции, направленные на защиту родного языка от американизмов или отечественного кинематографа от наплыва более популярных фильмов Голливуда. Сами американцы усматривают в подобных действиях проявление культурного национализма, направленного против динамичной и, как следствие, более зрелищной американской культуры. Вместе с тем в некоторых странах культурный анти-

американизм становится оружием политической борьбы. Особенно ярко это проявляется в мусульманских странах, культура которых основана на ценностях, принципиально противоположных американским. Здесь противостояние экспансии американской культуры принимает форму борьбы за душу собственного народа.

Это во многом связано с ролью религии. Ислам совершенно иначе, чем христианство, видит роль религии в общественной и политической жизни. Религиозные фундаменталисты даже и в христианском мире стремятся придать государственной власти религиозный характер, а исламский мир никогда не помышлял об отделении религии от государства. В результате культурный антиамериканизм в исламском мире приобретает форму священной войны.

А это уже означает четвертый аспект антиамериканизма – идеологический. Идеологический антиамериканизм рассматривает Соединенные Штаты как воплощение враждебной идеологии. Для тоталитарных систем XX в., таких как гитлеризм, сталинизм, Соединенные Штаты в большей степени, чем какое-либо другое государство, воплощали в себе ту идеологию, против которой тоталитарные государства вели идеологическую войну. Сегодня главными бастионами идеологического антиамериканизма являются радикальные исламистские движения. Однако идеологический антиамериканизм можно встретить также среди ультраправых или коммунистических экстремистов в Европе и Латинской Америке.

Распад СССР и эрозия коммунистической идеологии в Китае привели к тому, что на международной арене нет равного США идеологического полюса. Это укрепляет идеологический антиамериканизм. В 1979 г. победная исламская революция в Иране провозгласила борьбу против «двух дьяволов» – США и СССР. С того времени, как один из «дьяволов» был похоронен, Америка осталась для фанатиков единственным значительным символом идеологической угрозы.

Антиамериканизм в своей сущности не является рациональной реакцией на ту или иную политику США. Вместе с тем нельзя не отметить, что эта политика придавала аргументы антиамериканизму. Сэмюэль Хантингтон не без оснований указывает на ту роль, которую сыграло *лицемерие* западной политики¹¹. Когда, с одной стороны, провозглашаются демократические лозунги и права человека, а на практике осуществляется поддержка кровавых диктаторов наподобие Аугусто Пиночета, трудно удивляться тому, что антиамериканские настроения усиливаются. Правда, при этом следует помнить, что политика СССР, несмотря на то, что она в несравнимо большей степени нарушала права человека и право других народов на свободу, не вызвала настолько эмоциональной реакции. Может быть, распространение антиамериканизма является реакцией на то, что собой представляет Америка, а не на то, что делает или чего не делает Америка?

Антиамериканизм опасен для мира. Принципиальная враждебность к США вносит в международные отношения элемент фанатизма, который делает трудным или невозможным проведение рациональной политики. В то же время он вызывает среди американских политиков и в американском общественном мнении опасную тенденцию к объяснению любой критики в адрес США проявлением враждебности. Все это грозит многими опасностями.

«Война с терроризмом» и кризис американской гегемонии

События 11 сентября 2001 г. в США принципиально изменили международную обстановку. Они положили конец наивной вере в окончание великих сражений за мировое господство. У американцев исчезло чувство безопасности. Перед всеми государствами мира остро встал вопрос, на чьей они стороне.

Провозглашенная президентом Бушем «война с терроризмом» изначально встретила широкую поддержку правительств большинства стран мира.

Военная интервенция США и их союзников в Афганистан, направленная против режима талибов, покровительством которых пользовались террористы во главе с Усамой Бен Ладеном, получила международное одобрение. Однако даже тогда общественное мнение было настроено против этой войны. «Соединенные Штаты пользуются поддержкой около десяти правительств, но поддержку большинства граждан они имеют только в одной стране на свете – в Израиле. Разве это не изоляция?»¹² Новые проблемы возникли после оккупации Афганистана войсками коалиции во главе с США. Избранное правительство оказалось слабым и коррумпированным, а главное, оно не может контролировать ситуацию, возникшую в результате действий мощного партизанского движения талибов. Американские публицисты начали сравнивать положение в Афганистане с тем, которое сложилось сорок лет назад во Вьетнаме, и предрекать невозможность победного исхода¹³.

Однако главный удар по позициям США в мире нанесли не события в Афганистане, а вторжение в Ирак. Полагаю, что именно иракская война стала основной причиной кризиса американской гегемонии. Вынесение президентом Бушем на повестку дня иракского вопроса придало «войне с терроризмом» новое измерение и вызвало глубокие разногласия. Противники военной интервенции США в Ираке выдвигают серьезные аргументы, которые нельзя игнорировать.

Первый аргумент связан с правовыми основаниями. Военное нападение без мандата ООН и даже вопреки позиции этой организации было нарушением международного права и означало ликвидацию правовых оснований существующего международного порядка. Противники таких действий подчеркивали, что ООН в состоянии принять твердые решения, если на то есть достаточные причины. Так было в 1991 г., так могло быть и в 2003 г., если бы доказательства вины Ирака были бесспорными. В середине февраля Совет Безопасности заслушал рапорт инспекторов ООН, согласно которому вопрос о том, есть у Ирака или нет оружия массового уничтожения, не был решен. Этот рапорт был расценен в мире как поражение американской политики. Большая часть демократических государств заняла позицию, в соответствии с которой действовать следует в рамках международного права, т. е. на основании решения ООН. Франция предупредила, что использует право вето в Совете в случае, если произойдет голосование по вопросу о вооруженной интервенции в Ираке. Хотя в этом и не было необходимости, так как в Совете Безопасности ООН Соединенные Штаты не могли рассчитывать на широкую поддержку. США оказались в меньшинстве, но не в изоляции. Обращение премьер-министров семи государств, входящих в НАТО (Великобритании, Испании, Италии, Португалии, Дании, Венгрии и Польши), а также президента Чехии Вацлава Гавела, который подписал обращение вместо премьер-министра, являлось демонстрацией того, что Европа не поддержала изоляцию Америки. Это обращение поддержала так называемая «Виленская группа», состоящая из десяти постсоциалистических государств Центральной и Восточной Европы. Итогом обращения стало углубление противоречий в Европейском Союзе. Из 15 стран-членов ЕС обращение подписали только 5. Подписавшиеся под обращением взяли на себя серьезную ответственность. Они хотели ясно показать, что Соединенные Штаты не изолированы от своих европейских союзников. Их обращение было понято как разрешение для США действовать без мандата ООН и независимо от позиции большей части атлантических союзников. Это была серьезная ошибка. Еще до начала иракской войны я указывал на негативные последствия этой операции для мирового порядка и для позиции США¹⁴.

Вторым аргументом против войны с Ираком является то, что в ее официальном обосновании лежало утверждение о том, что Ирак нелегально владеет оружием массового уничтожения. Это оказалось вымыслом. После почти пяти лет пребывания американских войск в этой стране, в течение ко-

торых не было найдено никаких следов оружия, американский президент (а также повторявший его слова британский премьер-министр Тони Блэр) был обвинен во лжи. Бжезинский уже в ноябре 2003 г. указывал на два беспокоящих фактора – «потерю Соединенными Штатами международной поддержки и растущую изоляцию на международной арене»¹⁵. Иное дело, что в то время у Бжезинского еще были иллюзии насчет перспективы победы в Ираке.

Третий аргумент касается способов ведения войны. Правительство США стало единственным правительством демократического государства, которое официально санкционировало применение пыток в отношении пленных, подозреваемых в связях с террористами, а также допускало brutальные акции против гражданского населения.

Этот фактор бросил тень на обе ведущиеся США войны – в Афганистане и в Ираке. Символом нарушения прав человека стало в первую очередь содержание пленных на американской военной базе в Гуантанамо на Кубе¹⁶. Война стала морально неприемлемой даже для тех, кто готов был поддерживать обоснованные президентом Бушем ее мотивы.

Четвертым аргументом против войны стало ее негативное влияние на ситуацию в мире, особенно в исламских странах. Падение поддерживаемого США президента Пакистана Первеза Мушаррафа показало, насколько ослабли позиции США в государствах, до сих пор считавшихся их верными союзниками. Радикализация антиамериканских настроений вынуждает правительства исламских стран дистанцироваться от США.

Наконец, серьезным аргументом против войны стали ее финансовые последствия: расходы на ведение военных действий вызвали лавинообразное увеличение бюджетного дефицита США, что явилось одной из предпосылок крупного финансового кризиса, разгоревшегося в 2008 г. Это предвидел Джордж Сорос, еще в конце 2003 г. говоривший о том, что «цена оккупации и перспектива затяжной войны существенно отразятся на нашей экономике»¹⁷. Его не послушали. Вместо бюджетного профицита во времена Клинтона Соединенные Штаты после восьми лет правления Буша имеют почти 500 млрд долларов дефицита¹⁸.

Все это, вместе взятое, обусловило тот факт, что иракская война – самая непопулярная после вьетнамской войны. Именно она в наибольшей степени привела к глубокому кризису американской мировой гегемонии. Кризис этой гегемонии наступил в результате не спонтанных процессов, происходящих в современном мире, а того, что Бжезинский назвал «катастрофическим лидерством», т. е. политикой президента Дж. Буша¹⁹.

В основание такой политики положены следующие идеологические постулаты: вера в божественную миссию США, убежденность в том, что Соединенные Штаты как самая мощная демократическая держава имеют право определять стандарты демократии и навязывать их остальным, даже с применением силы. Буш не был создателем этой концепции, однако он охотно использовал идеи неоконсерваторов, которые утверждали, что в современном мире ведется борьба либеральной демократии с авторитаризмом и что в этой борьбе США имеют право и даже обязаны применять силу, в том числе и военную, для победы демократии²⁰. Такая точка зрения, по существу, является возвратом к риторике времен «холодной войны» с той только разницей, что место ранее точно определенного противника занимает не слишком четко выделенная категория авторитарных государств. Следует добавить, что в эту категорию не входят те авторитарные режимы, которые поддерживают США, как, например, проамериканские арабские госу-

¹⁵ Президент Джордж Буш и его команда упорно отрицали факты применения пыток. Однако рассекреченный недавно тайный рапорт Международного Красного Креста еще в 2007 г. однозначно квалифицировал используемые агентами CIA методы как пытки (Gazeta Wyborcza. 17 marca 2009).

дарства (Саудовская Аравия или Египет) или различные диктатуры в других частях мира.

Идеологический фанатизм администрации Буша шел вкупе с элитаризмом, проявлявшимся в принятии ключевых решений «в узком кругу посвященных, мотивы которых были скрыты от общества»²¹. Такой стиль принятия решений привел в конце концов американскую администрацию к поражению. Когда Буш покинул Белый дом, он был самым непопулярным президентом по меньшей мере со времен Второй мировой войны. Выборы 2008 г. показали, насколько американцы желали перемен.

Каким путем пойдут Соединенные Штаты после выборов 2008 г.

Принесут ли в действительности эти выборы, названные Бжезинским «вторым шансом», изменения в политике США? Ответ на этот вопрос не зависит только от угадывания интенций президента Обамы, а требует анализа той ситуации, в которой находятся сейчас Соединенные Штаты и весь мир.

Новое руководство в Ираке и Афганистане стоит перед очень сложной задачей – как закончить весьма непопулярные для США войны, не отказавшись при этом от ответственности за ситуацию, создавшуюся в значительной степени из-за американской военной интервенции. Не могу согласиться с мнением Мартина Босацкого, который считает, что Ирак может в конце концов стать «примером демократии» для арабских стран, во всяком случае в условиях американской оккупации. Также не думаю, что увеличение военного контингента в Афганистане по инициативе Обамы приведет к успеху. Однако сам по себе вывод войск без создания политических условий, гарантирующих минимум стабильности и безопасности, грозит еще более ожесточенной внутренней борьбой в этих странах. Накануне выборов Бжезинский высказывал пожелание перенести тяжесть ответственности за ситуацию в Ираке на соответствующий регион путем созыва конференции соседних с Ираком стран²². Сложно сказать, достаточно ли только этого, однако я уверен в том, что без серьезного включения других государств в процесс принятия решений в данном регионе проблема не будет устранена. Соединенные Штаты должны начать серьезное сотрудничество с другими государствами региона.

Такого перекладывания ответственности в международном масштабе может оказаться недостаточно. Дело зашло уже слишком далеко. Пролито много крови и совершено много ошибок и даже преступлений. Обама пользуется определенным кредитом доверия, однако он должен действовать более решительно, чтобы этот кредит сохранить. Наиболее трудный момент для лидера настает тогда, когда он должен сообщить своему народу о поражении.

Получение какой-либо поддержки в исламских странах требует, однако, не только выхода из «войн Буша», но и возврата к той политике, которую проводил в ближневосточных конфликтах президент Клинтон. В этом конфликте, по мнению Бжезинского, Вашингтон должен стать арбитром, а не поддерживать одну из сторон, а именно Израиль. Если президент Обама изберет подобную политику и если она тем более приведет к некоему соглашению Израиля и палестинцев, то имидж Соединенных Штатов существенно улучшится и тем самым будет облегчена реализация их доминирующей роли в этом регионе.

Намного легче США будет улучшить отношения с их европейскими союзниками, в чем немаловажную помощь может оказать огромная популяр-

²¹ В достаточно пессимистической статье на тему нынешней фазы израильско-палестинского конфликта К. Герберт (Przez przeraśń w dwóch susach // Polityka. Niezbędnik inteligenta. 21 lutego 2009) выражает надежду на то, что давление новой администрации на Израиль привело бы к выработке компромисса, приемлемого для обеих сторон.

ность президента Обамы в Европе. Зато труднее будет поправить отношения с Латинской Америкой, где в ряде государств находятся президенты, не слишком дружелюбно относящиеся к США, в том числе Уго Чавес в Венесуэле. Однако для многих Соединенные Штаты остаются страной их мечты, и при умелой политике они могли бы восстановить свои прежние позиции в данном регионе. Обама мог бы легче справиться с этой задачей, чем его консервативный предшественник.

Более сложным вызовом для США являются отношения с Россией и Китаем. Оба эти государства в настоящее время укрепляют свои позиции на международной арене. У США нет сейчас таких сильных козырей, как пятнадцать или двадцать лет назад. Полная беспомощность США во время войны в Грузии в августе 2008 г., длившейся несколько дней, наряду с риторической поддержкой политики грузинского президента продемонстрировали, насколько сильно изменились американо-российские отношения. В них нет уже места диктату. Поэтому необходим поиск компромиссных решений, которые учитывали бы национальные интересы обоих государств. Недавнее «разблокирование» отношений между НАТО и Россией свидетельствует о том, в каком направлении движется новая политика США. То же самое отнесится и к Китаю, с которым, собственно говоря, Соединенные Штаты имеют хорошие отношения с середины 1970-х гг.

Соединенные Штаты остаются великой державой, самой сильной в современном мире. Я не разделяю тревожных прогнозов тех аналитиков, которые видят будущее как неизбежный хаос (Пьер Хасснер²³) или как эру анархии и варварства, которые наступят в случае потери США статуса мирового гегемона (Нил Фергюссон²⁴). Существует другая перспектива – возврат к многополярной структуре международных отношений, в рамках которой самое сильное государство мира – Соединенные Штаты – будет реализовывать политику сотрудничества и лидерства, а не гегемонии и диктата. Мне близка оптимистическая позиция Бжезинского: «После фатальной ошибки, связанной с войной в Ираке и ее последствиями, вместе с президентом Обамой наступает новая эра принципиально иного американского мирового лидерства. Лидерства, которое скорее инспирирует, а не навязывает свою волю. Собственно, именно такого лидерства ожидает и даже требует от Америки большинство стран»²⁵.

Такая роль Соединенных Штатов в мировой политике соответствует польским национальным интересам. В случае ее последовательной реализации Польша не будет вынуждена выбирать между ролью активного и верного союзника США, с одной стороны, и моральными принципами и геополитическими выгодами, вытекающими из положения Польши в объединенной Европе – с другой.

¹ Brzeziński Z. Wielka szachownica. Warszawa, 1999. S. 198 (американское издание 1997 г.).

² Там же. S. 219.

³ См.: Brzeziński Z. Out of Control: Global Turmoil on the Eve of the Twenty-First Century. New York, 1993. S. 206–208.

⁴ См.: Презентация данного подхода содержится в моей недавно вышедшей книге: Wiatr Jerzy J. Przywództwo polityczne. Studium politologiczne. Łódź, 2008.

⁵ См.: Tocqueville Alexis de. O demokracji w Ameryce. Warszawa, 1976.

⁶ Leffler Melvyn P. For the Soul of Mankind. The United States, the Soviet Union, and the Cold War. New York, 2007. S. 3.

⁷ См.: Aron R. Paix et guerre entre les nations. Paris, 1962.

⁸ Kissinger H. Dyplomacja. Warszawa, 1996. S. 917–920.

* Несколько лет назад, когда я писал о роли Польши в качестве союзника США, то подчеркивал, что, «если бы Польша пассивно и безынициативно находилась на стороне США в ухудшающейся ситуации, с ее мнением никто бы не считался во время европейских дебатов на тему будущего трансатлантического содружества» (Wiatr Jerzy J. Refleksje o polskim interesie narodowym. Warszawa, 2004. S. 164). Новая политика президента Обамы дает надежду на позитивное решение данной дилеммы. (Опубликовано в: Europejski Przegląd Prawa i Stosunków Międzynarodowych, 2009. № 2/9.)

- ⁹ Brzeziński Z. Wielka szachownica. S. 24.
- ¹⁰ Johnson P. Historia świata od roku 1917 do lat 90-tych. Londyn, 1992. S. 942.
- ¹¹ См.: Huntington Samuel P. Zderzenie cywilizacji i nowy ład światowy. Warszawa, 1998. S. 270.
- ¹² Zakaria F. Imperium arogancji // Newsweek (Polska). 23 marca 2003.
- ¹³ См.: Barry J., Thomas E. Obama's Vietnam // Newsweek. 9 lutego 2009. S. 16–21.
- ¹⁴ См.: Wiatr Jerzy J. Konieczna wojna? // Przegląd, 22 września 2002; USA i nowy ład światowy w XXI wieku // Myśl Socjaldemokratyczna. 2003. № 1 (47). S. 5–19. В данном тексте мною использованы некоторые наиболее актуальные вопросы этой статьи.
- ¹⁵ Brzeziński Z. Kto jest z nami? // Rzeczpospolita. 22–23 listopada 2003.
- ¹⁶ См.: Steven T. Wax (Kafka Comes to America. Fighting for Justice in the War on Terror. New York, 2008).
- ¹⁷ Soros G. Zanim nastąpi wielki krach // Gazeta Wyborcza. 6–7 grudnia 2003.
- ¹⁸ См.: Bosacki M. Jak Bush rządził światem // Ibid. 17–18 stycznia 2009.
- ¹⁹ См.: Brzeziński Z. Druga szansa. Trzej prezydenci i kryzys amerykańskiego supermocarstwa. Warszawa, 2007.
- ²⁰ См., например: Kagan R. The Return of History and The End of Dreams. New York, 2008.
- ²¹ Brzeziński Z. Wybór – dominacja czy przywództwo. Kraków, 2004. S. 228.
- ²² См.: Brzeziński Z. «Bez obaw o Obamę», wywiad dla Gazety Wyborczej. 5–6 lipca 2008.
- ²³ См.: «Современному миру с неизбежностью угрожает хаос»: Интервью с Пьером Хасне-ром // Dziennik. 3–4 stycznia 2009.
- ²⁴ См.: Ferguson N. Świat bez mocarstwa? // Gazeta Wyborcza. 23–24 października 2004.
- ²⁵ «Если не договоримся, то поубиваем друг друга»: Беседа со Збигневом Бжезинским // Gazeta Wyborcza. 14–15 marca 2009.

Перевод кандидата философских наук И.А. Бортника

Поступила в редакцию 21.09.11.

